

Лиса, змея и лягушка

Афроамериканцы продемонстрировали свой жгучий темперамент

Известия — 2007 — 29 июня — с. 10.
Труппа «Дейтон данс компани» должна была выступить в Москве еще в октябре — на Фестивале современного танца. Но сразу после 11 сентября лететь не рискнула. Жаль. В контексте разнообразной международной программы труппа смотрелась бы выигрышной и интересней — афроамериканский модерн и джаз-танец добавили бы фестивальной палитре определенной пикантности. К тому же осенью, в начале сезона, публика жаждет зрелищ. А в разгаре лета зал Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко заполнился далеко не до предела. Отдельные свободные места зияли в партере и в амфитеатре, а галерка и вовсе пустовала. Тем не менее зрители аплодировали бурно, восторженно и долго.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА

Судя по всему, на «Дейтон данс компани» пришли подлинные любители экзотики, способные поймать кайф только от жгучего темперамента темнокожих танцоров. Стремительная молотба бедрами, лягушачьи прыжки, беспорядочные броски из стороны в сторону, змеиные выверты и вкрадчивые лисьи ползки последовательно переходили из композиции в композицию. В тревожном пульсирующем ритме танцоры страдали и философствовали. В более легкомысленном и расслабленном — затевали дискотечные пляски.

Впрочем, с самого начала обнаружили некие странности, оказавшиеся, по всей видимости, ноу-хау знаменитой труппы из Огайо (ей уже четвертый десяток). Зачем, к примеру, неистовые босоногие плясуны обрядились в длиннополые камзолы и широкие юбки, да еще врубили на всю катушку ядерный джаз, пузырящийся скрипами, свистами, гудками и кваканьем? И почему вскоре одна счастливая плясунья ни с того ни с сего рухнула замертво перед изумленной толпой? Праздник внезапно превратился в похороны, а в абстрактном ненавязчивом балете наметился претенциозный сюжет. («Путники» Дональда МакКейла и Рональда К. Брауна).

Хореографическая туманность под названием «Аэродигма» в постановке Бебе Миллера затаила еще менее объяснимый эпизод. В конце затянутой и малопонятной композиции, вяло перебирающей дуэты, соло, квартеты и массовые танцы, вдруг выехала девушка на роликах. Скользнула из кулисы в кулису — балет и закончился, а что означало видение, никто так и не понял. Другая танцовщица «изъяснялась» более конкретно — Шери «Спаркл» Уильямс замахнулась на историю живописи. Сочинение хореографа Дуайта Родена «Часть картины большого размера» намекало и на «Черный квадрат» Малевича, и на тишиновскую «Даная», и на более ранние людские искусства, включая изображения на камнях пещер и скал.

Древние истоки угадывались и в танце. Порой казалось, что исполнители забывали о премудростях модерна, подчиняясь стихийным и диковатым порывам. Словно под ногами была не сцена, а жирная земля, над головами — не театральные софиты, а палящее солнце. «Дейтоны» с наслаждением подставляли под его лучи свои распаренные тела, двигаясь по-первобытному бесстыдно и радостно. Это был искренний, ликующий танец. А зрители волей-неволей закрывали глаза на многочисленные длинноты, повторы и прочие недостатки программы.

«Дейтон» показал москвичам дискотечные пляски